

Цзян Юй, чувствуя вину, подбежал стремглав и присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с мармеладным мишкой.

Тан Сяотан нахмурил маленькие бровки.

— Большой союзник, а ты что там делал, прячась?

Цзян Юй, покусывая губу, долго мычал «э-э-э» и «а-а-а», разрываясь между преданностью Сы Ханьцзюэ и товарищескими чувствами к мармеладному мишке.

Он хотел рассказать Тан Сяотану о системе наблюдения, но Сы Ханьцзюэ чётко запретил.

Цзян Юй не мог понять: раз уж Босс уже знает, что мармеладный мишка — живой, зачем нужно было лишний раз отслеживать его поведение... Только что он думал, что понял психологию Сы Ханьцзюэ.

И наблюдение, и защита.

С таким озорным мармеладным мишкой иначе нельзя.

Цзян Юй, глядя в мягкий взгляд мармеладного мишки, с отеческой заботой произнёс:

— Сяотан, Босс так о тебе заботится, нельзя быть таким непослушным. Вдруг попадёшь в опасность, вдруг встретишь плохих людей, вдруг промокнешь под дождём, тебя продует ветром или укусит кошка...

Тан Сяотан уныло опустил голову, переплетая маленькие ручки. Маленькое сердечко заныло.

Цзян Юй продолжил:

— Мы с Боссом искали тебя весь день. Когда начался ливень, Босс чуть не сошёл с ума от волнения!

Тан Сяотан ещё ниже опустил большую голову. Кислое маленькое сердечко поджаривалось от слов Цзян Юя, боль пронзала насквозь.

— Босс ещё спросил меня... — Цзян Юй понизил голос, приложив одну руку ко рту, приблизился к ушку мармеладного мишки и прошептал:

— Босс ещё спросил меня, все ли, кто хорошо к нему относится, обречены на несчастья.

Тан Сяотан: ...

— Не надо! Не надо больше говорить!

Тан Сяотан развернулся и бросился бежать, закрывая ушки и отчаянно мотая головой.

— Сахар знает, что был неправ! Правда-правда знает!

Хозяина полюбил кто-то другой — сахар рассердился.

Хозяин отшлёпал сахара по попке — сахар рассердился.

Но сахар не выносит, когда хозяин так спрашивает сам с себя.

Такой гордый хозяин, такой прекрасный и красивый хозяин, он — божество для мармеладного мишки, он такой-такой хороший, он заслуживает любви, он заслуживает всего самого лучшего в мире!

Как он может так униженно сомневаться в себе.

Тан Сяотан изо всех сил бежал, потратив несколько минут, чтобы пробежать до другого края столика, словно преодолел целое футбольное поле. Маленькое тельце дрожало, сердце разрывалось от раскаяния.

Цзян Юй вздохнул.

Он в два шага обошёл Тан Сяотана и ткнул в телефон.

— Ладно, успокой Босса как следует. На самом деле Босс тот ещё «рот кривит, а тело прямо»...

Тан Сяотан поднял полные слёз глаза.

— Что значит «рот кривит, а тело прямо»?

Цзян Юй запнулся.

— Это не важно, — сказал Цзян Юй. — Важно то, что Босс действительно тебя очень любит.

Тан Сяотан наклонил голову набок.

— Через два дня годовщина смерти бабушки Босса, — сказал Цзян Юй. — Будь с ним рядом.

Тан Сяотан кивнул и тихо, мягко произнёс:

— Угу.

Послушная, покладистая и понимающая конфетка.

Цзян Юй с одобрительной улыбкой тётушки умильно посмотрел, губы его задрожали, но он всё же решил скрыть дело с системой наблюдения.

Он взглянул на часы, поднял руку и помахал, подбадривая мармеладного мишку.

— Вперёд!

— Уже поздно, я пойду. — Цзян Юй протянул руку и потрепал мягкую большую голову мармеладного мишки. — Пока.

Тан Сяотан уныло помахал маленькой ручкой.

— Пока.

Цзян Юй улыбнулся, стремительно выбежал за дверь и плотно закрыл её.

Он всё же выбрал сторону Босса.

Тан Сяотан, глядя всему уходящей спине большого союзника, обдумывал услышанное.

Хозяин спросил, все ли, кто хорошо к нему относится, обречены на несчастья.

Вся маленькая своенравность, маленькая гордость, маленькие капризы мармеладного мишки вдруг стали похожи на большой кусок желе на гриле: качаясь и колыхаясь, растаяли в лужицу.

Раскаяние, подобно огню, полыхало, мгновенно испепелив его дотла.

Сердце ныло, распирало и кисло. Тан Сяотан спрыгнул со столика, встав на одну ногу, подпрыгивая, допрыгал до пола. Подумав ещё, он вернулся на диван, стащил лёгкую тонкую накидку, оттащил её к двери в спальню, не забыв выключить свет в гостиной.

Поднял маленькую ручку, тихонько постучал в дверь.

— Хозяин, ты спишь?

— Хозяин, ты ещё сердишься на сахар?

— Сахар и вправду тайком сбежал, потому что у сахара есть маленький секрет. Но сахар хочет подождать, удостовериться в одной вещи, и только тогда рассказать хозяину свой секрет.

Признавать ошибки — это одно, но у сахара тоже есть принципы.

Он уважает хозяина, и хозяин должен уважать его маленькое упорство.

Из спальни не доносилось ни звука. Тан Сяотан ещё осторожнее постучал в дверь.

... Уже поздно, хозяин, наверное, уснул. — Тан Сяотан разровнял накидку у двери, сложил её пополам: одну половину постелил под себя, другой накрылся, соорудив маленькую постельку.

Он лёг у двери, надул губки, надул щёчки и, пыхтя, изо всех сил стал дуть в щель под дверью, направляя успокаивающий сладкий аромат в сны хозяина.

Подул до изнеможения, и только тогда усталость от целого дня тайных походов хлынула на него лавиной. Тан Сяотан лёг на спинку, ухватился ручкой за край «одеяла», укрылся, словно несчастный муж, выгнанный ревнивой женой из постели и вынужденный спать на полу, и, как взрослый, вздохнул:

— Хозяин не хочет сахар, вот сахар и спит на полу.

— Бедный сахар, ножка тоже сломана, хозяин не хочет сахар, ножку и починить некому, если сахар станет некрасивым, хозяин ещё полюбит сахара?..

— У сахара есть только хозяин, — пошевелил ушками-завитками Тан Сяотан. — Если бы не хозяин, сахар не проснулся бы, у него не было бы жизни...

Он помолчал.

— Хотя сахар и сам не знает, почему он не такой, как другие конфеты. Но сахар знает, что жизнью он обязан хозяину.

— Сахар не попадёт в беду, хозяин должен верить сахару, да? Сахар очень умный, — Тан Сяотан сжал маленький кулачок. — И потом, хозяин — это удача для сахара, раз хозяин рядом, как сахар может пострадать? Так что хозяину не надо волноваться...

Бормоча, пока веки не стали слипаться, словно в драке, Тан Сяотан выдул сладкий пузырь сна и, словно в бреду, прошептал:

— Даже если хозяин сердится на сахар, сегодня ночью сахар будет охранять хозяина...

Фу-у...

Тан Сяотан, истратив последние силы, наконец крепко уснул.

Сы Ханьцзюэ сидел на ковре. В темноте, обхватив колени, уткнувшись лицом в сгиб руки, прямой спиной прислонившись к двери спальни, он был отделён от Тан Сяотана за дверью тонкой, но словно бесконечно далёкой перегородкой.

Каждое слово он слышал в своём сердце.

Лишь когда голосок мармеладного мишки постепенно стих, а из-за двери донёсся лёгкий, ритмичный храп, Сы Ханьцзюэ поднял голову, сильно потёр переносицу, на строгом лице между бровей проступила красная, как кровь, вертикальная складка.

В темноте лишь пара прекрасных красных глаз слабо светилась.

Спустя долгое время он наконец глубоко выдохнул, встал и осторожно, беззвучно приоткрыл дверь.

...

Проснувшись, Тан Сяотан обнаружил, что, кажется, лежит не на полу.

Под ним было тёплое, пушистое одеяло нежно-серебристого цвета — любимого цвета хозяина.

В носу витал свежий, как снежная вершина и сосны, аромат — запах хозяина.

Одеяло было тёплым — теплом хозяина.

Эй, а как сахар оказался на кровати хозяина?

Мармеладный мишка приподнялся, высунул ножку. Эй, а ножка сахара починена?

Идеальная ножка, круглая, как маленькая жемчужина, не только починена, но и тщательно прорисованы пять маленьких пальчиков!

Тан Сяотан повертел стопой и сладко улыбнулся.

Он поводит глазками и обнаружил рядом совершенно новые, целые и красивые трусики!

Тан Сяотан на мгновение застыл, а затем радостно вскочил, надел новые трусики и побежал туда-сюда.

Хозяин самый лучший!

Сы Ханьцзюэ сидел на диване и смотрел новости, держа в руках дымящийся кофе, рядом в беспорядке лежали несколько раскрытых таблеток от простуды.

Краем глаза он увидел, как из спальни показались два кончика ушей мармеладного мишки. Кончики ушей колебались, пробуя почву, затем показался большой лоб и пара круглых глаз, осторожно выглянувших из-за двери.

Сы Ханьцзюэ, полуприкрыв глаза, уголок губ дрогнул в улыбке, и он бесстрастно перелистнул страницу новостей.

Тан Сяотан украдкой наблюдал за хозяином. Хотя взгляд хозяина не обращался в его сторону, сахар точно знал: у хозяина хорошее настроение!

Он хихикнул, круглые глазки превратились в полумесяцы, как два осенних озера, влажных и сияющих.

Тан Сяотан, распахнув ручки, смеясь, покачиваясь, побежал от двери.

<http://bllate.org/book/15589/1395470>